

Преданіе Церкви и преданія школы.

(Продолженіе) ¹⁾.

Въ современномъ чинѣ миропомазанія возложеніе рукъ уже не производится, какъ производилось оно апостолами надъ крещеннымъ и какъ производилось оно всею перво-бытною Церковью въ теченіи трехъ по крайней мѣрѣ вѣковъ. Можно предположить, что оно было вытѣснено и упразднено въ силу убѣжденія, что и одно миропомазаніе является полною и достаточною ему замѣною, но еще естественнѣе предположить, что главною причиною тому явилось совмѣстное совершеніе и не только миропомазанія и крещенія, но и молитвъ „во еже сотворити оглашеннаго“, какъ бы сливавшихъ три чинопослѣдованія въ одинъ чинъ, какъ совершается онъ и нынѣ. Такимъ образомъ надъ крещаемымъ въ теченіи одного и того же молитвословія приходилось бы дважды или трижды совершать возложеніе рукъ, а потому церковная практика и устранила второе рукоположеніе, почитая достаточною для выраженія тайнодѣйствія внѣшнюю форму и самое помазаніе мѣромъ. Этому упраздненію не мало могъ способствовать и распространявшійся изъ Александріи взглядъ на миро, какъ на готовое уже, консолидированное таинство—*opus operatum* въ себѣ самомъ уже заключающее тайнодѣйственную силу и какъ бы довлѣющее самому себѣ. Однако въ извѣстной книгѣ „о церковной іерархіи“, приписанной Діонисію Ареопагиту и появившейся во второй половинѣ пятаго вѣка о возложеніи рукъ при миропомазаніи не упоминается, хотя дважды говорится о немъ въ началѣ представляемаго соединеннымъ тайнодѣйствія т. е. въ молитвѣ „во еже творити оглашен-

¹⁾ Бог. Вѣстн. Февраль 45—57.

наго“, гдѣ сохраняется оно и теперь, равно какъ и передъ помазаніемъ елеемъ. Въ книгѣ, приписываемой Діонисію, заключается между прочимъ описаніе крещенія, какъ совершалось оно въ его время. Все чинопослѣдованіе начинается хвалебною пѣснью (славословіемъ) изъ Св. Писанія“, которую „священносовершаетъ“ (*ιεροτέλει*) крестящій „вмѣстѣ со всею полнотою церкви“ (*ἅμα πᾶσι τοῖς ἰηζ. ἐκκλησίας πληρώμασιν*). Затѣмъ цѣлуетъ онъ священную трапезу и обращается къ крещаемому съ вопросомъ: чего ищетъ онъ? ¹⁾). Когда же онъ черезъ своего поручителя (или воспріемника: *κατὰ τὴν τοῦ ἀγαθόχου παράδοσιν*) съ раскаяніемъ исповѣдуетъ прежнее свое безбожіе, невѣдѣніе истиннаго добра и отчужденіе отъ божественной жизни, равно какъ и заявитъ о своемъ желаніи удостоиться божественнаго посредничества, крестящій долженъ напомнить ему, что онъ долженъ всецѣло предать себя Богу и стать совершеннымъ и непорочнымъ. Онъ долженъ изложить ему все предписанное Богомъ устройство (*πολιτείαν*) и спросить: хочетъ ли онъ жить сообразно ему? При полученіи утвердительнаго отвѣта, онъ *возлагаетъ руку* ему на голову, знаменуетъ его (*σφραγισόμενος*) и велитъ священникамъ записать имена крещаемаго и поручителя. Когда эта запись совершена, начинается онъ священную молитву (*ἐυχὴν*). По совершеніи ея всѣмъ собраніемъ, отрѣшаетъ онъ крещаемаго (т. е. вѣроятно отрѣшаетъ ему поясъ, какъ говорится во многихъ чинопослѣдованіяхъ) и велитъ литургамъ (діаконамъ) раздѣть его. Затѣмъ ставитъ онъ его лицомъ къ западу съ простертыми въ эту сторону руками и приказываетъ ему трижды дунуть на сатану и произнести всю формулу отреченія (несомѣнно ту же, которая произносится и теперь). Когда онъ трижды произнесетъ эту формулу отреченія, обращаетъ его крестящій къ востоку, велитъ ему поднять лицо и руки къ небу и приказываетъ ему подчиниться Христу и всему священному строю. Когда все это будетъ совершено, произноситъ онъ ему трижды исповѣданіе, и когда онъ трижды повторитъ, знаменуетъ его и *возлагаетъ на него руки*. Затѣмъ литурги (діаконы) раздѣваютъ его въ конецъ, а пресвитеры приносятъ священный елей.

1) Припомнимъ такой же вопросъ, обращаемый въ нѣкоторыхъ чинахъ къ рукополагаемому въ епископы.

Этимъ елеемъ онъ трижды помазуетъ и запечатлѣваетъ его, а затѣмъ передаетъ его пресвитерамъ, чтобы помазали ему все тѣло ¹⁾. Онъ же подходитъ къ матери усыновленія (кущели), освящаетъ воду благословеніями, трижды крестообразно льетъ въ нее отъ елея и при каждомъ вливаніи воспѣваетъ священную пѣснь изъ боговдохновенныхъ пророковъ. Затѣмъ велитъ онъ подвести крещаемого, и, когда одинъ изъ іереевъ громко прочтетъ и возвѣститъ его имя и имя его поручителя, іереи погружаютъ его въ воду до руки стоящаго надъ нимъ іерарха. Когда же іереи снова возгласятъ имя посвящаемого ²⁾, погружаетъ его іерархъ трижды въ воду и при каждомъ изъ этихъ погруженій провозглашаетъ одну изъ трехъ ипостасей Божества. Затѣмъ принимаютъ его іереи и передаютъ его основачальнику и поручителямъ его воспріятія. Надѣвъ на него соотвѣтствующую одежду (*vestes candida*) ведутъ его снова къ іерарху, который помазуетъ и запечатлѣваетъ его священнымъ елеемъ и черезъ то объявляетъ его достойнымъ участвовать въ „священно совершеннѣйшей евхаристіи“ (*De hierarchia eccles. cap. II*).

Дабы уяснить описанный порядокъ совершенія крещенія, надо сдѣлать къ приведенной выдержкѣ слѣдующія добавленія. Въ началѣ главы, посвященной крещенію, авторъ намъ говоритъ, что желающіе принять христіанство должны для того обратиться къ кому либо, стоящему ужъ въ числѣ „посвященныхъ“, а зтотъ послѣдній въ свою очередь долженъ оказать ищущему всякое содѣйство и представить его іерарху т. е. епископу, какъ называетъ его Псевдо—Діонисій. Это-то избранное самимъ ищущимъ лицо и подразумѣвается подъ „основачальникомъ принятія“, о которомъ было упомянуто наряду съ поручителями или воспреемниками (*ἀναδόχοι*). Самое послѣдованіе въ основаніяхъ совершенно тождественно съ извѣстнымъ намъ изъ позднѣйшихъ чиновъ, помимо двухъ существенно важныхъ отличій. Въ немъ сохранено еще завѣщанное отъ апостольскихъ временъ рукоположеніе, повторяемое притомъ даже дважды, и не существуетъ различія между первымъ и вторымъ помазаніемъ,

¹⁾ По позднѣйшимъ чинословствованіямъ это должны дѣлать діаконы.

²⁾ Это-то и сохранилось доселѣ въ возгласѣ: крещается рабъ Божій имрекъ.

такъ какъ и до погруженія и послѣ погруженія употребляется одинъ и тотъ же священный елеи. Можно ли придавать первому помазанію елеемъ, предшествующему крещенію водою, силу сообщенія крещаемому благодати и даровъ Духа Святаго, печати котораго налагаются при второмъ помазаніи священнымъ елеемъ т. е. при миропомазаніи, по нашему чину? На это отвѣчаетъ утвердительно и современное наше чинопослѣдованіе. Въ молитвѣ, прямо предшествующей первому помазанію елеемъ, призывается Богъ, пославшій въ ковчегъ голубицу, имѣющую въ устахъ сучецъ масличный и тѣмъ предобразившій благодати таинство и подающій масличный плодъ во исполненіе святыхъ Его тайнъ, исполнявшій Духомъ Святымъ бывшихъ въ законѣ и совершенствующій сущихъ въ благодати. „Самъ, продолжаетъ молитва, благослови и сей елеи силою и дѣйствомъ и наитіемъ Святаго Твоего Духа, якоже быти тому помазанію нетлѣнія, оружію правды, обновленію души и тѣла“. Описаніе Псевдо—Діонисія свидѣтельствуетъ намъ только о томъ, что при крещеніи купно съ миропомазаніемъ совершалось дважды „возложеніе рукъ“ епископа, но, помѣщая второе возложеніе рукъ передъ крещеніемъ, а не послѣ него, оно отводитъ ему очевидно не то мѣсто, которое занимало оно въ апостольской вѣкѣ и въ описаніяхъ Тертулліана, Кипріана Карфагенскаго и Апостольскихъ Постановленій. Составляетъ ли это просто ошибку описателя, который можетъ быть не былъ ни іереемъ ни діакономъ, а потому могъ и ошибиться, переставивъ возложеніе рукъ изъ одной части послѣдованія въ другую, или особенность той церкви мѣстной, къ которой принадлежалъ описывающій, рѣшить въ настоящее время нельзя. Для насъ важно то, что послѣдованіе крещенія съ миропомазаніемъ въ половинѣ пятаго вѣка содержало въ себѣ возложеніе рукъ, какъ въ самомъ приступѣ, такъ и въ срединѣ или въ концѣ ¹⁾).

Если ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ позднѣйшихъ чиновъ мы не имѣемъ прямыхъ указаній на возложеніе рукъ при призывѣ благодати Духа Святаго на новокрещеннаго, то мы имѣемъ молитву, не только какъ нельзя болѣе под—

¹⁾ Всего естественнѣе предполагать, что возложеніе рукъ совершалось не дважды, а трижды т. е. и послѣ миропомазанія, о которомъ позабылъ сообщить Тертулліанъ, Кипріанъ и др.

ходящую къ возложенію рукъ, но и заставляющую предполагать, что она именно сопровождалась возложеніемъ рукъ или сопровождала его. Молитва эта относится къ послѣдованію, обозначаемому въ требникѣ черезъ „измовеніе въ 8 день“, но въ старину какъ теперь совершавшемуся одновременно съ крещеніемъ и миропомазаніемъ и составлявшему съ ними одно цѣлое, по нѣкоторымъ спискамъ. „Господи Боже нашъ, возложеніемъ рукъ своихъ всесвятаго Твоего Духа на святыхъ учениковъ своихъ и апостоловъ ниспославшій, ниспосли и на раба Твоего новопосвященнаго всесвятаго Твоего Духа, сопричисли его къ возлюбившимъ имя Твое Отца и Сына и Святаго Духа, нынѣ и присно и т. д. (Дмитріевскій 79).

Перейдемъ къ возложенію рукъ или рукоположенію въ чинѣ „во еже сотворити оглашеннаго“, сохраняемому и современной практикой, но къ сожалѣнію оставляемому безъ вниманія и не постигаемому во всемъ объемѣ его значенія. Чтобы оцѣнить это значеніе, необходимо припомнить, что оглашеніе въ древней церкви начиналось задолго до крещенія, и оглашенный (*κατηχούμενος*) становился ужъ въ извѣстное отношеніе къ Церкви, входилъ въ ея собранія, участвовалъ въ части ея молитвъ и молился съ нею, отрѣшался отчасти отъ всего остального міра, отдавался подъ особое покровительство Божіе т. е. получалъ уже нѣкую благодать, которой другіе люди не имѣли, а сообщеніе этой благодати и сопровождалось особою молитвою и рукоположеніемъ. „Разрѣшаетъ священникъ поясъ хотящаго просвѣтитися, и совлачаетъ и отрѣшаетъ его и *поставляетъ его къ востоку* во единой ризѣ непрепоясана, непокровевна, имущаго руцѣ долу, и *дуетъ на лицо его* трижды, и *знаменуетъ чело его* и *перси* трижды и *налагаетъ руку на главу его*, глаголя: Господу помолимся. О имени Твоемъ, Господи Боже истины и едиnorodнаго Твоего Сына и Святаго Твоего Духа *возлагай руку мою на раба Твоего* (имрекъ), сподобившагося прибѣгнути къ святому имени Твоему и подъ кровомъ криль Твоихъ сохранитися. Отстави этъ него ветхую оную прелесть, и исполни его еже въ тя вѣры и надежды и любви и т. д.“ Въ описаніи г. Дмитріевскаго мы встрѣчаемъ слѣдующіе варианты: „Входитъ во храмъ и *возлагаетъ руку* (*ἐπιτίθησι τὴν χεῖρα*) іереѣ на головѣ его и говоритъ такую молитву: Го-

споду помолимся. О имени Твоемъ, Господи Боже силъ и т. д.“ (597). По другому варианту воспреемникъ, входя кладеть три поклона, беретъ ребенка, а „іерей отрѣшаетъ поясъ ребенка и дуетъ въ лицо ему трижды, и трижды знаменуеть чело и грудь его, и *возлагаетъ руку (τίθησι τὴν χεῖρα)* на голову младенца, говоря: „О имени Твоемъ, Господи Боже и т. д. (Дмитріевскій 797). „Взявъ, іерей раздѣваетъ его и отрѣшаетъ, и ставитъ его къ востоку, и трижды дуетъ на него и знаменуеть ему чело, ротъ и грудь, и, положивъ руку (*παλῶν τὴν χεῖρα*) на голову имѣющаго креститься, говоритъ: „О имени Твоемъ и т. д.“ (Дмитріевскій 208).

Попытаемся разяснить символическое значеніе дѣйствій, предшествующихъ въ данномъ случаѣ рукоположенію и слѣдующему за нимъ молитвословію. Дѣлаемый оглашеннымъ становится лицомъ къ востоку. Что обозначаетъ это? Возьмемъ разясненіе отъ противнаго. Въ послѣдующемъ актѣ дѣлаемый оглашеннымъ снова долженъ быть обращенъ къ западу, чтобы, простирая на него руки, отречься отъ сатаны, отъ всѣхъ дѣлъ его, отъ всѣхъ его ангеловъ, отъ всей гордыни его или помпы (*πόμπη αὐτοῦ*) и всякаго служенія ему (*λατρεία αὐτοῦ*). Что значитъ *πομπά diaboli*, изъ церковныхъ писателей извѣстно только слишкомъ хорошо. Вся совокупность публичныхъ удовольствій языческаго міра: зрѣлища, съ христіанской точки зрѣнія, всегда непристойныя, игра гладиаторовъ, травли звѣрей въ циркѣ, пышныя религіозныя процессіи, пиры съ возліянiями въ честь боговъ— все это составныя части указанной *πομπά diaboli*. Служеніе (*λατρεία*) сатанѣ—все язычество, съ капищами, статуями боговъ, идоложертвеннымъ и т. п. Въ языческихъ идолахъ христіане усматривали боговъ, и вся жизнь языческаго міра во всѣхъ ея разновидностяхъ была проникнута служеніемъ этимъ богамъ, въ которомъ служащіе сами иногда не отдавали себѣ отчета. Такимъ образомъ дѣлаемый оглашеннымъ становится лицомъ къ тому новому міру, въ который онъ направляется и въ который готовился онъ вступить, и спиной къ тому, съ которымъ онъ разставался, чтобы затѣмъ въ послѣдній уже разъ обернуться къ нему лицомъ и простирая къ нему руки, не только торжественно и многократно отъ него отречься, но и плюнуть въ лицо ему. Все, что было позволительно въ этомъ мірѣ, становится грѣхомъ для хри-

стіанина, и отъ всего этого долженъ онъ произнести отреченіе, устремляясь съ самаго начала лицомъ въ противоположную сторону—на востокъ. Священникъ отрѣшаетъ поясъ приступающаго къ оглашенію. Что означаетъ это? Если отрѣшеніемъ пояса только начинается общее разоблаченіе, то незачѣмъ было бы поминать объ этой подробности. Истолкованіемъ служить намъ слѣдующее правило Никейскаго собора, говорящее не объ отпадшихъ во время послѣдняго гоненія на христіанъ, но объ отпадшихъ добровольно, какъ и тѣ, о которыхъ говорится въ предшествовавшемъ правилѣ. „Призванные благодатью и проявившіе первую ревность, и отложившіе пояса (*ἀποθεμένοι τὰς ζώνας*), но потомъ возвратившіеся на свое же плеваніе, подобно псамъ, такъ что нѣкоторые и серебро употребляли и дарами достигали возможности снова нести военную службу (*καὶ βερεσιζίοις κατορθώσαι τὸ ἀναστρέφασθαι*). Не подлежитъ сомнѣнію, что поды „призванными благодатью и проявившими первую ревность“ подразумѣваются внесенные въ списокъ оглашенныхъ, надъ которыми совершенно уже послѣдованіе „во еже творити оглашеннаго—*εἰς τὸν ποιῆσαι κατηχουμένον*—и которые возвратились на то, отъ чего отреклись и что было ими оплевано,—возвратились на свои плевки. Къ соетаву этой *compa diaboli*, которая предана была отреченію и оплеванію, принадлежала и служба въ легіонахъ, обязательно соединенная въ тѣ времена съ цѣлымъ сонмомъ языческихъ обычаевъ, жертвоприношеній, присягъ съ именами языческихъ боговъ и т. п.

Весь строй государственной жизни древняго міра представлялся христіанамъ несомвѣстимымъ съ вѣрою во Христа и жизнью, сообразно этой вѣрѣ. „И кесари, восклицаетъ Тертулліанъ, вѣровали бы во Христа, если бы кесари не нужны были міру или еслибы христіане могли быть кесарями (*Sed et Caesares credidissent super Christo, si aut Caesares non essent saeculo necessarii aut si et Christiani potuissent esse Caesares*—Апол. с. 21). Въ актахъ юнаго мученика Максимиліана, пострадавшаго въ 295 году т. е. за тридцать лѣтъ до изданія приведеннаго выше правила, ярко выражается взглядъ современныхъ ему христіанъ на службу въ легіонахъ, Максимиліана призываютъ въ войска, на службу. На вопросъ проконсула: *Quis vocaris?* (Какъ зовешься?) онъ отвѣчаетъ: Къ чему хочешь знать мое имя? мнѣ не подобаетъ

быть воиномъ, ибо я—христiанинъ (*Mihi non licet militare, quia christianus sum*). На всѣ угрозы проконсула онъ отвѣчаетъ только: *non milito*—не несу военной службы. Отруби мнѣ голову, не несу военной службы миру (*non milito saeculo*), но воинствую Богу моему.—Не принимаю знаменiя, (*signaculum*), ибо имѣю знаменiе Христа Бога моего. Не принимаю знаменiя мира (или вѣка—*signaculum saeculi*), и если ознаменуешь, сокрушу то, что не имѣетъ никакого значенiя. Я—христiанинъ; не подобаетъ мнѣ носить на шеѣ свинець послѣ спасительнаго знака Господа моего Исуса Христа, сына Бога живаго, котораго ты не знаешь, который пострадалъ за спасенiе наше, котораго предалъ Богъ за наши грѣхи. Ему служимъ мы всѣ, христiане. Мое воинское служенiе (*milita mea*) Господу моему; не могу воинствовать вѣку (*saeculo militare*). Уже сказалъ я: я—христiанинъ „(*christianus sum*)“ (*Acta primorum martyrum sincera et selecta ed. Ruinart. Ed. 2. Amsterdam. p. 294—302*). Отсюда явствуетъ, что тѣ воины, о которыхъ говорить Никейское правило (Прав. 12), при вступленiи въ сонмъ оглашенныхъ приняли на себя обязательство не нести воинской службы, какъ не соединимой съ христiанствомъ, и ознаменовали это принятое на себя обязательство отложенiемъ поясовъ, но затѣмъ сами возревновали о воинской службѣ и возвратились къ оплеванному ими состоянiю, употребивъ деньги и подарки, чтобы быть зачисленными въ легiоны. Такимъ образомъ „отложенiя поясовъ“ (*τῶν ζώνων*) или отрѣшенiе ихъ рукою священника—символь отказа отъ воинской службы въ языческомъ государствѣ, символъ разрыва съ нимъ.

Священникъ трижды дуетъ въ лицо вступающему въ сонмъ оглашенныхъ. Объ этихъ дуновенiяхъ часто говорятъ писатели 4-го и 5-го вѣковъ. Кириллъ Иерусалимскiй ставитъ его въ непосредственную связь съ заклинанiемъ, экзорцизмомъ. „Заклинанiя принимаютъ съ благоговѣнiемъ и *дутъ* ли на тебя, заклинають ли, почитай дѣйствiя сiя для себя спасенiемъ. Изъ грубаго золота и поддѣланнаго, смѣшаннаго съ различными веществами, съ мѣдью, оловомъ, желѣзомъ и свинцомъ, когда хотимъ получить одно золото, не можемъ безъ огня очистить золото отъ постороннихъ примѣсей. Такъ и душа не можетъ очиститься безъ заклинанiя.—Какъ золотыхъ дѣлъ художники, посредствомъ нѣ-

которыхъ орудій *раздувая* огонь, расплавляя положенное въ горнилѣ золото и усиливая пламя, находятъ чего ищутъ, такъ и заклинатели, когда Духомъ Божиимъ производятъ въ человѣкѣ страхъ, и въ тѣлѣ, будто въ горнилѣ, душу разогрѣваютъ, тогда убѣгаетъ дьяволъ, а остается спасеніе, надежда вѣчной жизни, и, наконецъ, душа, очищенная отъ грѣховъ, получаетъ спасеніе“ (Procatech. 9 с.). И часто нечистый духъ, котораго многіе не могли смирить желѣзными узами, смиряемъ былъ молитвословіемъ того, въ комъ обитала сила Духа Святаго; и одно *дуновеніе* (*εμφύσησις*) заклинающаго бываетъ огнемъ для сихъ невидимыхъ враговъ (Catechesis XVI, 19).

Такимъ образомъ черезъ дуновеніе (*εμφύσησις*) изгоняется и устраняется изъ принимаемаго въ сонмъ оглашенныхъ все нечеловѣческое начало, со стороны примѣсившееся къ богозданной природѣ его,—то начало, отъ котораго самъ онъ долженъ отречься и которое долженъ онъ оплевать, тѣ плевели, которыя насылялъ на Божіей нивѣ врагъ человѣческой, устраняется погибшій міръ, къ которому доселѣ прилежалъ принимаемый. Это первое троекратное дуновеніе при приѣмѣ полагаетъ только начало указанному выше изгнанію и устраненію, ибо дуновенія и заклинанія повторяются во весь сорокодневный періодъ оглашенія. Даже и въ нынѣшнемъ чинѣ, какъ и въ древнихъ чинахъ, дуновеніе повторяется въ преддверіи самаго крещенія. „И дуетъ священникъ на уста его, на чело и на перси, глаголя: Изжени изъ него всякаго лукаваго и нечистаго духа, сокрытаго и гнѣздящагося въ сердцѣ его. И глаголетъ сіе трижды. Духа прелести, духа лукавства, духа лжи и всякія нечистоты, дѣйствуемыя по наущенію дьявола и сотвори его овча словесное святаго стада Христа Твоего, удѣ честенъ Церкви Твоя, сына и наслѣдника царствія Твоего и т. д.“ Это произносится не только передъ крещеніемъ, но и передъ отреченіемъ отъ сатаны, и всѣхъ дѣлъ его, и всей помпы его со стороны самого принимаемаго и для полноты и дѣйственности отреченія, нуждающагося еще въ воздѣйствіи и помощи Церкви. Не надо предполагать только силу дѣйствія механически-неизбѣжнымъ послѣдствіемъ самого дуновенія и самихъ формулъ, при немъ произносимыхъ, какъ бы имѣющихъ магическую власть, независимо отъ воли и участія того.

надъ кѣмъ они произносятся и совершаются. Такое предположеніе вполнѣ противорѣчило бы духу и природѣ христіанскаго тайнодѣйствія, которое уподоблялось бы черезъ него магическимъ заклинаніямъ языческаго міра. Магія и таинство не имѣютъ ничего общаго другъ съ другомъ.

Христіанство во всемъ предполагаетъ и всему предпосылаетъ нравственное произволеніе, нравственную обусловленность, нравственный процессъ. И евхаристія можетъ приниматься въ судъ и во осужденіе, въ „смерть“, а не въ жизнь, по слову апостола: кто принимаетъ недостойно, смерть свою принимаетъ. И вода крещенія можетъ оказаться безблагодатною для крещаемого. „Много еще тебѣ времени, говорить Кириллъ Іерусалимскій оглашаемому. Много способнаго времени и раздѣться, измыться, и одѣться, и взойти. Сорокъ дней имѣешь для покаянія. Если же ты останешься въ зломъ произволеніи твоёмъ, то проповѣдующій тебѣ не виновенъ будетъ, а ты не надѣйся получить благодать. Вода тебя приметъ, но Духъ не приметъ“ (Procatech. с. 4). Никакое дуновеніе и заклинаніе, будучи по природѣ своей могучими только подспоріями, не изгоняетъ изъ принимаемаго въ Церковь, хотя бы и въ сонмъ оглашенныхъ, „духа прелести, духа лукавства, духа идолослуженія, духа лжи и всякія нечистоты“, если онъ самъ утаитъ его въ сердцѣ своемъ и помышленіи, или, „отложивъ поясъ“, снова вернется къ отринутому и оплеванному имъ строю жизни ¹⁾.

¹⁾ Намъ скажутъ: крещеніе, какъ и принятіе въ число оглашенныхъ, совершается теперь надъ младенцами, способными воспринимать совершаемое и произносимое надъ ними только страдательно и безсознательно. Но развѣ крещеніе съ подготовительными дѣйствіями къ нему дѣйствуетъ только въ охватываемый ими моментъ, а не во всю жизнь, имъ опредѣляемую и въ свою очередь опредѣляющую, осуществляющую (реализирующую) потенциально воспринятое. И Христосъ далъ намъ только власть стать чадами Божиими (*τέκνα Θεοῦ υερόβασι* Іоаннъ 1, 12). Безсознательно воспринятое при крещенія можетъ и должно опознаваться всю жизнь, становясь въ ней сознательнымъ и дѣйствующимъ началомъ. И совершеннѣйшіе оглашенные древней Церкви не все совершаемое и произносимое надъ ними постигали сознательно, ибо смыслъ многого оставался еще для нихъ сокровеннымъ, какъ предумышленно скрываемый отъ нихъ до ожидающаго ихъ полнаго просвѣщенія. И Апостолъ Павелъ напоминаетъ о необходимости возгрѣвать (*ἀναζωοποιεῖν*) даръ, полученный при возложеніи рукъ (2. Тим. 1, 6). Если слова его имѣютъ въ виду даже не рукоположеніе при крещеніи, какъ мы выше старались

Все совершенное до сихъ поръ надъ возводимыми въ оглашение съ тѣми повтореніями, которыя составляютъ содержа-

доказать, а рукоположеніе при возведеніи во священство, то это нисколько не измѣняетъ сущности дѣла, ибо природа вѣхъ таинствъ одна. Полученный талантъ можетъ оказаться всегда зарытымъ въ землю, но овъ дается на жизнь. Брачующійся принимаетъ обязательства и благодати не на время стоянія своего передъ алтаремъ, а на всю последующую брачную жизнь свою. Кающійся, какъ увидимъ мы далѣе, получаютъ отпущеніе грѣховъ, только обѣщаясь видоизмѣнить, сообразно покаянію, всю предстоящую жизнь. Рукоположенный во священство долженъ выжать себя, какъ и всему стаду, чтобы не говорить превратно, дабы увлечь учениковъ за собою. Къ стыду нашему надо сказать, что изъ современныхъ намъ христіанъ (говоримъ о православныхъ, ибо къ чему судить вѣншихъ, которыхъ судить Богъ) громадное большинство даже не знаетъ съ полною опредѣленностью, отъ чего собственно на всю жизнь отрекались они при крещеніи, что подвергали они ослепленію, какія обязательства они на себя принимали и опять на всю жизнь, а не на время, предшествующее погруженію въ купель и принятію „печатей дара Духа Святаго“. Да и о дарѣ Духа Святаго помышляютъ они столь же мало, какъ и получившіе крещеніе Іоанново, которыхъ встрѣтилъ на пути своемъ Апостолъ Павелъ и которые даже не слышали, есть ли Духъ Святой (Дѣян. XIX, 2. 3. 4). Чинъ крещенія во вѣхъ своихъ подробностяхъ не стоитъ выну перелъ внутренними очами крещенныхъ въ теченіе всей ихъ жизни, ибо они не вникаютъ въ него, да въ большинство случаевъ и не знаютъ. Онъ не преподается въ школахъ, не стоитъ въ учебникахъ, не разъясняется съ надлежащею полнотою, не составляетъ предмета церковнаго поученія. Между тѣмъ онъ долженъ былъ бы изучаться каждымъ крещенымъ христіаниномъ по крайней мѣрѣ также какъ изучается, — точнѣе какъ долженъ бы былъ изучаться чинъ евхаристіи. Должны же мы знать, отъ чего отреклись мы, хотя бы устами своихъ восприемниковъ, на что простирали мы руки, какъ бы стремясь на вѣкъ отъ него оградиться, что подвергали мы ослепленію, къ чему становились мы синою, чтобы уже не возвращаться къ нему, на вѣкъ его покидая. Должны же мы знать какія принимали мы на себя обязанности, становясь, хотя бы черезъ своихъ восприемниковъ, лицомъ къ востоку, къ встрѣчающему насъ новому міру, въ который намѣревались вступить. Должны же мы, наконецъ, знать, какою полною, утробною мѣрою благодати Духа Святаго (Лук. VI, 38 ср. Іоаннъ III, 34) одаряетъ насъ Богъ при крещеніи, какую „благодать на благодать“ принимаемъ мы отъ него. Самы крещеніе и помазующіе на даютъ себѣ вполнѣ яснаго и опредѣленнаго отчета о томъ, какую полноту благодати и даровъ Духа Святаго молитвенно низводятъ они на крещаемого и помазуемого, позабывая свидѣтельство Петра, что Духъ низошелъ на Корнеліа сотника и на весь домъ его такъ же какъ и на нихъ въ началѣ т. е. въ день Пятидесятницы, и данъ былъ имъ „такой же даръ, какъ и намъ“ (Дѣян. XI, 15—17; X, 47) и не безъ нѣкотораго высокомерія и сознанія превосходства взираютъ на крещен-

ніе всего дальнѣйшаго послѣдованія „во еже сотворити оглашеннаго“—*ταῖς εἰς τὸ ποιῆσαι κατεχουμένον*—приноситъ только отрицательный чисто характеръ. Производимый выводится изъ того міра, къ которому дотолѣ принадлежалъ онъ и къ которому долженъ встать въ отрицательное отношеніе, чтобы сдѣлать послѣдовательные паги и, наконецъ, вступить въ новый міръ, открываемый ему вполнѣ только черезъ крещеніе. Но оглашеніе вносило и положительный элементъ, а потому-то и приступъ къ нему и сопровождался возложеніемъ руки или рукоположеніемъ. „Уже благоуханіе блаженства на васъ, просвѣщаемые! говоритъ, открывая свои оглашенія Кирилль Іерусалимскій; уже собираете вы духовные цвѣты для сплетенія вѣнцовъ небесныхъ; уже благоуханіе Духа Святаго изліялось. Уже вы въ преддверіи царскихъ чертоговъ. О когда бы самъ царь и внутрь ввелъ васъ. На древахъ теперь цвѣты; о когда бы и плодъ на нихъ видѣть. Уже перепись именъ вашихъ была, также и въ воинство нареченіе и брачныя свѣтильники, и желаніе небснаго общежитія и намѣреніе благое и надежда послѣдующая.— Намѣреніе нелицемѣрное дѣлаетъ тебя званнмъ“ (Procatech. с. 1). Смотри, говоритъ онъ далѣе просвѣщаемому (*φωτισόμενος*) т. е. стоящему только на высшей степени оглашенія, но не получившему еще крещенія,—смотри, какое достоинство даруетъ тебѣ Іисусъ. Ты назывался оглашеннымъ, будучи оглашаемъ отвнѣ; слушалъ слово объ упованіи и не зналъ онаго; слушалъ тайны и не уразумѣвалъ оныхъ; слушалъ божественное Писаніе и не постигалъ глубины его. Теперь (т. е. на послѣдней степени, но все же до крещенія) оглашеніе производится не внѣ, но внутри тебя, ибо Духъ Святой *вселившійся* (Дѣян. IV, 5) содѣлываетъ умъ твой храмомъ Божиимъ. Когда услышишь писаніе о тайнствахъ, тогда уразумѣешь, чего прежде не зналъ. Не думай, что ты получаешь вещь маловажную. Будучи жалкій человѣкъ, ты получаешь наименованіе Божіе“ (Procatech. с. 6). „Вы, коиъ

ныхъ и помазанныхъ ими, если они остаются въ званіи и чинѣ мірянъ. т. е. членовъ церковнаго народа (*λαϊκοί*). Отсюда всѣ нестроенія церковныя, отсюда „высокомѣріе начальствующихъ“, котораго не должно было бы быть въ Церкви и „отторженность другъ отъ друга тѣхъ, кому надлежало бы быть членами другъ другу“, вызывавшій многократный плачь самого Златоуста, какъ и засвидѣтельствовалъ онъ самъ передъ нами.

имена внесены въ списки просвѣщаемыхъ, вы содѣлались сынами и дочерьми единой матери“ (Procatech. с. 13). Не мудрено, что древняя Церковь въ лицѣ Кирилла Іерусалимскаго смотрѣла на оглашенныхъ, какъ уже на получившихъ нѣкое „изліяніе благоуханія Духа Святаго“, какъ на имѣющихъ уже въ себѣ „вселившагося Духа, содѣлывающаго умъ ихъ храмомъ Божиимъ“. Тотъ внутренній ростъ, который совершался въ оглашенномъ во все время оглашенія, тотъ преобразующій переворотъ, который происходилъ или долженъ былъ происходить въ немъ, требовалъ несомнѣнно содѣйствія благодати Божіей, содѣйствія Духа Святаго, вопіющаго: Авва, отче (Галат. IV, 6), ибо не могъ быть дѣломъ только самого человѣка. Естественно было въ силу того Церкви молитвенно призывать эту благодать на оглашаемаго въ мѣру ему потребнаго, а потому и совершать рукоположеніе оглашаемаго, какъ прямо свидѣтельствуется и совершаемый до нынѣ чинъ. Къ тому же состояніе оглашенныхъ составляло именно степень, въ которую необходимо было возводить и въ которую и возводить до сего времени Церковь черезъ послѣдованіе „во еже сотворить оглашеннаго“—*εἰς τὸ ποιῆσαι κατηχομένον*. Оглашенные съ самаго начала вносились въ списки, какъ о томъ свидѣлствуютъ Псевдо-Діонисій и Кириллъ Іерусалимскій, и вносились, конечно, не для статистическихъ цѣлей или канцелярской отчетности. Максимъ Исповѣдникъ и Пахимерь—комментаторы книги, приписанной Діонисію Ареопагиту, почитаютъ эту запись внесеніемъ въ диптихи церковные. Но употребляемая доселѣ молитва заключаетъ въ себѣ слова: напиши его въ книзѣ жизни твоей, соедини его стаду наслѣдія Твоего, что, не устраняя внесенія въ диптихи, указываетъ на то, что имя оглашеннаго записывалось не только на землѣ и не только чернилами и тростью. „О имени Твоемъ, Господи, Боже истины и едиnorodнаго Твоего Сына, Святаго Твоего Духа, возлагаю руку мою на раба твоего (имрекъ) сподобльшагося прибѣгнути ко святому имени Твоему и подъ кровомъ криль Твоихъ сохранитися. Отстави отъ него ветхую оную прелесть и исполни его еже въ тя вѣры, и надежды, и любви, да разумѣеть, яко ты еси единъ Богъ истинный, и едиnorodный Твой Сынъ, Господь нашъ Ісусъ Христосъ и Святыи Твой Духъ“. Въ настоящее время

молитву эту произноситъ священникъ, ибо епископы наши почему-то уже не крестятъ и не творятъ оглашенныхъ; но необходимо припомнить, что въ древности какъ то, такъ и другое совершалось преимущественно епископами, отъ которыхъ и получали рукоположеніе дѣлаемые оглашенными.

Въ постановленіяхъ Апостольскихъ молитва „во еже сотворити оглашеннаго“, сопутствуемая рукоположеніемъ его, приведена только въ нѣкоторомъ сокращеніи. „Возлагающій же на него (т. е. на оглашеннаго) руку пусть молится Богу, владыкѣ всего, благодаря за твореніе, за ниспосланіе Сына Своего, едиnorodнаго Христа, чтобы спасъ человѣка, простилъ нечестія и грѣхи, очистилъ отъ всякой скверны плоти и духа, и чтобы освятилъ человѣка по благоволенію благодисти своей, открылъ и далъ разумѣть волю свою, просвѣтилъ очи сердца его къ познанію чудныхъ дѣлъ своихъ и открылъ ему судъ правды, чтобы возненавидѣлъ онъ всякій путь неправды и ходилъ по пути истинны, дабы сподобиться ему бани паки бытія, въ усыновленіе о Христѣ, чтобы соединившись со Христомъ подобіемъ смерти Его въ надеждѣ славнаго общенія, умеръ онъ для грѣха и жилъ для Бога по уму, слову и дѣятельности и включенъ былъ въ книгу живыхъ“ (Апост. Пост. VII, 39).

Въ литургіи же Постановленій Апостольскихъ мы имѣемъ молитву, заключающую рядъ моленій объ оглашенныхъ и въ нѣкоторыхъ спискахъ, по свидѣтельству Котелерія, имѣющую обозначеніе: *Κεϱ. Σ. χειροθέσια τῶν κατηχομένων*, т. е. въ главѣ „рукоположеніе оглашенныхъ“. Приводимъ эту молитву, самый характеръ которой свидѣтельствуемъ, по нѣкоторымъ особенностямъ о томъ, что она сопровождается возложеніемъ рукъ. По содержанію своему она представляетъ сокращеніе вышеуказанной, хотя и сохраняетъ всѣ основные ея моменты. „Боже вседержителю, нерожденный и неприступный, единый истинный Боже, Боже и Отче Христа Твоего, едиnorodнаго Сына Твоего, Боже Утѣшителя и всяческихъ. Господи, иже Христомъ ученики поставивый учителя къ наученію благочестія. *Самъ и нынѣ призри на рабы Твоя* оглашенные въ евангеліи Христа Твоего и даждь имъ сердце ново и духъ правъ, обнови во утробѣхъ ихъ, во еже знати и творити волю Твою въ сердцѣ полнѣ и душѣ хотящей; сподоби ихъ святаго освященія и соедини ихъ святой

Твоей Церкви и причастницъ сотвори божественныхъ тайнъ Христомъ, упованіемъ нашимъ, за нихъ умершимъ. Имъ же Тебѣ слава и почитаніе во Святѣмъ Дусѣ. Аминь“. Выраженіе: „Самъ и нынѣ призи на раба Твоего или на рабы Твоя“, присущее всѣмъ, сопровождающимъ рукоположеніе молитвамъ и представляетъ въ данномъ случаѣ ту особенность, по которой мы не затруднились бы признать молитву эту молитвою при рукоположеніи, даже и при отсутствіи такого обозначенія ея въ спискахъ. Самое выраженіе „Самъ и нынѣ и т. д.“, произносимое епископомъ или священникомъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что и произносящій совершаетъ что-то по отношенію къ тому или къ тѣмъ, къ кому относится произносимое; но не его дѣйствіемъ, а дѣйствіемъ исходящимъ отъ самого Бога, преподается искомая благодать, что равносильно само по себѣ исповѣданію: не бо въ наложеніи рукъ моихъ, но въ посѣщеніи богатыхъ щедротъ Твоихъ дается благодать достойнымъ Тебе. Уже и нахождение молитвы этой въ составѣ литургіи Постановленій Апостольскихъ служитъ доказательствомъ того, что во время литургіи послѣ молитвы всей церкви объ оглашенныхъ и молитвы самихъ оглашенныхъ епископъ съ молитвою же налагаетъ руки на оглашенныхъ. Но мы имѣемъ и другія тому доказательства.

Въ „письмѣ Іакова, епископа Эдесскаго, къ Ѳомѣ пресвитеру о древней сирской литургіи“ (XII вѣка) мы читаемъ: „О семъ таинственномъ совершеніи безкровной жертвы, или приношеніи святыхъ даровъ, *наши отцы предали намъ слѣдующее*. Послѣ чтенія священныхъ книгъ ветхаго и новаго завѣтовъ надобно произносить три молитвы. Первая молитва о слушающихъ или (оглашенныхъ *schamune, audientes, κατεχουμένοι*) когда діаконъ возглашаетъ: идите слушающіе! и они, когда *епископъ или пресвитеръ возложитъ на нихъ руки, удаляются*“. Далѣе говорится о соединенной съ рукоположеніемъ молитвѣ объ одержимыхъ и кающихся. „Но все это въ Церкви уже вышло изъ употребленія, присовокупляетъ Іаковъ Эдесскій, хотя діаконъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ упоминаетъ о томъ, возглашая тоже по древнему обычаю“ т. е. возглашая: оглашенные изыдите (Собраніе древнихъ литургій. Выпускъ III, стр. III. *Augusti Denkwürdigkeiten d. christ. Archeologie*, IV. 321). Выходъ изъ употребленія

означенныхъ выше молитвъ имѣлъ своимъ послѣдствіемъ исключеніе ихъ и изъ списковъ многочисленныхъ видовъ литургіи разныхъ церквей. Цѣликомъ и во всей совокупности сохранились они только въ литургіи Апостольскихъ Постановленій. Между тѣмъ древняя Церковь придавала молитвамъ этимъ весьма большое значеніе. Это видно уже и изъ того, что Златоустъ въ толкованіи на 2 посланіе къ Коринтянамъ (Бесѣда 2) даетъ весьма обширный и обстоятельный комментарий одного только обращеннаго къ народу призыва къ молитвѣ объ оглашенныхъ. „Законы церкви, говоритъ онъ, устанавливаютъ не только молитвы о вѣрныхъ, но и молитвы объ оглашенныхъ, ибо законъ побуждаетъ вѣрныхъ умолять и о непосвященныхъ (*ὁ νόμος διεγείρει πρὸς τὴν ἁγιότητων ἰκετηρίαν*). Мы можемъ возстановить эту молитву, такъ какъ въ толкованіи комменрируется каждый ея стихъ. „Усердно объ оглашенныхъ помолимся. Да услышитъ всеблагій и всемилосердный Богъ ихъ молитву; да отверзетъ Онъ уши сердце ихъ; да огласитъ ихъ словомъ истины; да утвердитъ вѣру въ сердцахъ ихъ; да откроетъ имъ благовѣствованіе правды; да дастъ имъ божественное разумѣніе, чистые помыслы и жизнь добродѣтельную, дабы во всякое время мыслить о томъ, что Божіе, и заботиться о томъ, что Божіе. Еще усерднѣе помолимся объ оглашенныхъ. Да охранитъ Онъ ихъ отъ всякаго злаго и худаго дѣла, отъ всякаго демонскаго страха и совращенія отъ противника; да сотворитъ Онъ ихъ достойными въ надлежащее время бани пакибытія отпущенія грѣховъ; да благословитъ Онъ и входъ и выходъ ихъ и всю жизнь ихъ; да умножитъ и благословитъ Онъ дѣтей ихъ и возведетъ ихъ въ мѣру возраста и умудритъ ихъ; да направитъ Онъ все предстоящее имъ на пользу имъ“. За этою молитвою діаконъ, по словамъ Златоуста, велитъ встать оглашеннымъ, лежавшимъ долу во время молитвы, и призываетъ ихъ самихъ къ молитвѣ. „Помолитесь, оглашенные, объ ангелѣ мира. Да совершится въ мирѣ все предстоящее вамъ. Помолитесь о томъ, чтобы мирнымъ былъ для васъ этотъ день и всѣ дни вашей жизни. Предайте себя живому Богу и Христу Его“. Затѣмъ, по словамъ Златоуста, „призываемъ мы ихъ приклонить головы, причемъ подразумѣвается, конечно, сохраненный и до сего времени возгласъ діакона: Оглашенные главы ваши Господу прекло-

ните. Указывая на молитву священника, Златоустъ, къ сожалѣнiю, не приводитъ самой молитвы, замѣчая только, что „всѣ присутствующіе произносятъ: Аминь“. Въ литургiи Василія Великаго молитва эта сохранилась и читается такъ: „Господи Боже нашъ, живущій на небесахъ и призирающій на всѣ дѣла Твои, призри на рабовъ Твоихъ оглашенныхъ приклонившихъ выи свои передъ Тобою, и дай имъ легкое ярмо; содѣлай ихъ почтенными членами святой Твоей Церкви и удостой ихъ бани возрожденія, отпущенія грѣховъ, и одежды нетлѣнія, къ познанію Тебя истиннаго Бога нашего, чтобы и они съ нами славили всечестное и великолѣпное имя Твое и т. д.“ Мы приводимъ эту молитву изъ литургiи Василія Великаго только, какъ примѣръ. Приводимая Златоустомъ часть всего совокупнаго моленія объ оглашенныхъ почти буквально совпадаетъ съ соотвѣтствующею ей частью моленія въ литургiи Апостольскихъ Постановленій, представляя только нѣкоторыя сокращенія, которыя могутъ объясняться и предположеніемъ, что Златоустъ въ своей проповѣди останавливаетъ вниманіе только на основныхъ мысляхъ моленія, а не приводитъ всего моленія цѣликомъ. Это предположеніе подтверждается и весьма вѣскимъ доказательствомъ. „Видишь-ли, говоритъ Златоустъ, какъ содержательна и важна эта молитва и по отношенію къ ученію и по отношенію къ жизни? Ибо, когда возвѣщаемъ мы имъ (т. е. оглашеннымъ) радостную вѣсть объ *одеждѣ нетлѣнія* и о *банѣ пакибытія*, возвѣщаемъ мы имъ все ученіе“. Между тѣмъ въ приводимыхъ Златоустомъ словахъ моленія объ *одеждѣ нетлѣнія* вовсе не упоминается, что свидѣтельствуется о томъ, что Златоустъ даетъ только выдержки изъ молитвы, допуская пропуски. Въ Апостольскихъ же Постановленіяхъ эта часть моленія читается такъ: „да соединить и сопричислить ихъ къ святому своему стаду, сподобить ихъ бани пакибытія, одежды нетлѣнія, и т. д. Если же первая часть моленія объ оглашенныхъ, приводимая Златоустомъ, буквально совпадаетъ съ соотвѣтствующимъ моленіемъ литургiи Апостольскихъ Постановленій, то это уже дѣлаетъ почти несомнѣннымъ, что и заключительная часть т. е. молитва при возложеніи рукъ, имъ опускаемая, должна была совпадать съ соотвѣтствующею же молитвою Постановленій,

ранѣе нами приведенной и заключающей въ себѣ слова: „Самъ и нынѣ“ и т. д.

Намъ могутъ возразить, что въ Постановленіяхъ Апостольскихъ говорится о благословеніи, а не о возложеніи рукъ, если не придавать значенія озаглавленію молитвы въ нѣкоторыхъ спискахъ. Но во первыхъ, почему же оставлять это заглавіе безъ вниманія? Во вторыхъ, благословеніе есть дѣятельность слова, а не дѣятельность рукъ, при чемъ эта дѣятельность слова можетъ сопровождаться дѣятельностью рукъ, какъ можетъ и не сопровождаться ею. Такъ напр. въ тѣхъ же Постановленіяхъ Апостольскихъ говорится кающимся: „Возставше, Богу Христомъ Его преклонитесь и благословитесь. Епископъ пусть молится такъ“... Итакъ изъ отсутствія указанія на какую бы то ни было дѣятельность рукъ надо заключать, что такой дѣятельности со стороны епископа вовсе не существовало? Между тѣмъ въ Лаодикійскомъ правилѣ (19) при указаніи порядка молитвъ прямо говорится: „Когда же и сіи (т. е. кающіеся) *придутъ подъ руку* и отидутъ, тогда совершати молитвы вѣрныхъ три“. Разница только въ полнотѣ изложенія, которая и въ этомъ случаѣ не совершенна, такъ какъ говорится только о „быти молитвѣ кающихся“ и о приходѣ подъ руку, не но говорится о томъ, что совершается за приходомъ. Іаковъ же Эдесскій, говоря о возложеніи рукъ на оглашенныхъ при возгласѣ діакона: *выйдите слушающіе!* говоритъ только о молитвѣ о кающихся, „которые при возгласѣ діакона уходили“. Объ одержимыхъ же говоритъ онъ, что они „*подходятъ подъ руку* епископа или священника, которымъ научены, и уходятъ. Въ свою очередь Лаодикійское правило, говоря, что кающіеся послѣ молитвы о нихъ *подходятъ подъ руку* епископа, объ оглашенныхъ говоритъ только „творити особую молитву объ оглашенныхъ, а по исшествіи ихъ *быти* молитвѣ о кающихся“. Слѣдуетъ ли изъ умолчанія Лаодикійскаго правила о возложеніи рукъ на оглашенныхъ, о которомъ свидѣтельствуемъ Іаковъ Эдесскій, и изъ молчанія Іакова Эдесскаго о возложеніи рукъ на кающихся,—о которомъ Лаодикійское правило свидѣтельствуемъ, выводить заключеніе о несуществованіи въ одномъ случаѣ возложенія рукъ на оглашенныхъ, а въ другомъ на кающихся? Разумѣется нѣтъ. Іаковъ Эдесскій и Лаодикійское правило утверждаютъ только по-

рядокъ совершенія молитвъ, ставя на второй планъ подробности ихъ исполненія. Іаковъ Эдесскій говоритъ о возложеніи рукъ на оглашенныхъ, подразумѣвая тоже и подъ подходомъ подъ руку одержимыхъ и подъ отпускомъ кающихся. Лаодикійское правило говоритъ о подходѣ подъ руку кающихся, предполагая, что подъ словами „прежде должны быть совершены, закончены (*ἐπιτέλεσθαι*)“ подразумѣвается и завершающее молитву возложеніе рукъ. Во всякомъ случаѣ совершеніе возложенія рукъ на оглашенныхъ за литургіей свидѣтельствуется слѣдующими обстоятельствами: а) надписаніемъ нѣкоторыхъ Постановленіи Апостольскихъ: *χειροθέσια τῶν κατεχουμένων*); б) прямымъ упоминаніемъ о немъ Іакова Эдесскаго, какъ о вышедшемъ изъ употребленія обычая Церкви; в) наличностью въ составѣ молитвы словъ: Самъ и нынѣ и т. д., обычно сопровождающихъ возложеніе рукъ.

Если получали при литургіи возложеніе рукъ оглашенные, то получали-ли такое же и вѣрные? Древность даетъ намъ на вопросъ этотъ отвѣтъ безусловно утвердительный. Тотъ же Іаковъ Эдесскій говоритъ намъ, что молитвы литургіи со временемъ численно умножились и между прочимъ указываетъ на введеніе символа. „По прочтеніи его, присовокупляетъ онъ, опредѣлили совершать при закрытыхъ дверяхъ три молитвы вѣрныхъ. Спустя нѣсколько времени... благоугодно было, чтобы первая была съ таинственнымъ прошеніемъ мира, вторая *при возложеніи рукъ*, а третья, когда антиминосъ открываютъ, означая, что тогда открываются врата небесныя... Потомъ говорятъ молитву: Отче нашъ. Послѣ сего, по преданію, священникъ долженъ опять преподать миръ народу и совершить молитву *возложенія руки*“. Въ ехнологіи Серапіона Тмуитскаго IV вѣка мы имѣемъ молитву при рукоположеніи мірянъ (*χειροθέσια τῶν λαϊκῶν*). Замѣчаніе въ концѣ ехнологія, что „всѣ эти молитвы читаются передъ молитвою приношенія“ свидѣтельствуешь, что они относятся къ первому возложенію рукъ, о которомъ упоминаетъ Іаковъ Эдесскій, а не ко второму, совершаемому послѣ „Отче нашъ“. Текстъ молитвы гласитъ: „Живая и чистая рука, рука Единороднаго, очистившая всѣ лукавства (все злое—*τὰ πονηρά*) и все святое утвердившая и укрѣпившая да прострется на головы народа сего, да благословитъ

народъ этотъ *благословеніе Духа*, благословеніемъ неба, благословеніемъ пророковъ и апостоловъ, да благословитъ тѣла народа на цѣломудріе и чистоту, да благословятся души ихъ *на ученіе и познаніе и таинство*, да благословятся, вообще, всѣ черезъ Единороднаго Твоего Иисуса Христа, черезъ котораго Тебѣ слава и держава во Св. Духѣ и нынѣ и во вся вѣки. Аминь“. (*Дмитріевскій Евхологіи IV вѣка* стр. 32). Только въ литургіи Апостольскихъ Постановленій изъ трехъ молитвъ вѣрныхъ, о которыхъ говоритъ Іаковъ Эдесскій, имѣются двѣ, изъ коихъ первая дѣйствительно соединена съ прошеніемъ мира, а вторая, по присутствію въ ней характеристичнаго признака: Самъ, владыко, Господи и т. д., равно какъ и по всему содержанію и нѣкоторому даже сходству съ молитвою Серапіона Тмуитскаго, вполне соотвѣтствуетъ молитвѣ при возложеніи рукъ. „Господи, вседержитель, Вышній въ высокихъ живущій, Святой, во святыхъ почивающій, безначальный, единовластительный, преподавшій намъ черезъ Христа проповѣдь вѣденія для познанія нами славы Твоей и имени Твоего, которое, онъ открылъ намъ для разумѣнія. Самъ и нынѣ призри черезъ него на сіе стадо Твое и избави его отъ всякаго невѣденія и злаго дѣла и дай ему страхомъ бояться Тебя, и любовію любить Тебя, и благоговѣть предъ лицомъ славы Твоей. Будь благочестенъ къ нимъ и милостивъ, и внимателенъ къ молитвамъ ихъ, и сохрани ихъ неизмѣнными, непорочными, безукоризненными, чтобы они были святы по тѣлу и душѣ, не имѣя ни пятна ни порока или чего либо подобнаго, но были бы цѣлостны, и никто изъ нихъ не былъ бы поврежденъ или несовершенъ. Защитникъ, сильный, нелицепріятный! Будь заступникомъ сего народа Твоего, который испуилъ Ты святою кровію Твоей. Покровитель, помощникъ, попечитель, стражъ, стѣна крѣпчайшая, ограда безопасности—такъ какъ никто не можетъ похитить изъ руки Твоей, ибо нѣтъ другого Бога, какъ Ты и въ Тебѣ упованіе наше! Освяти ихъ истиною твоею, ибо слово Твое есть истина. Необольстимый, недоступный обману! Избавь ихъ отъ всякой болѣзни и всякой немощи, всякаго грѣхопаденія, всякаго навѣта и прельщенія, отъ страха передъ врагомъ, отъ стрѣлы летящей днемъ, отъ язвы, ходящей во мракѣ, и сподоби ихъ вѣчной жизни во Христѣ Сынѣ Твоемъ, Еди-

нородномъ, Богъ и Спасителъ нашемъ, чрезъ Котораго Тебъ слава и почитаніе во Святомъ Духъ и т. д.“ (Собраніе древнихъ литургій и т. д. I, 110 f.).

Вторая молитва *при возложеніи рукъ*, о которой говоритъ Іаковъ Эдесскій, не сохранилась, насколько намъ извѣстно, ни въ одномъ изъ доставшихся намъ чинопослѣдованій литургіи. Но Іаковъ Эдесскій говоритъ еще и о третьей молитвѣ при возложеніи рукъ, совершаемой послѣ причащенія въ концѣ литургіи. „Послѣ же причащенія, говоритъ онъ, заповѣдано быть исповѣданію и благодаренію... Потомъ заповѣдано, чтобы совершалась молитва *возложенія рукъ*, и такимъ образомъ народъ былъ отпускаемъ діакономъ идти съ миромъ“. Съ прямымъ указаніемъ *на возложеніе рукъ* имѣется эта молитва въ еіопскомъ текстѣ Апостольскихъ Постановленій и именно тотчасъ послѣдъ за молитвою благодаренія за причащеніе, какъ и указываетъ Іаковъ Эдесскій. „*Возложеніе рукъ послѣ причащенія*. Господи, вѣчный, который всѣмъ управляешь, Отче Господа нашего Іисуса Христа! Благослови рабовъ Твоихъ и рабынь Твоихъ. Защити и помоги, и соблюди ихъ силою ангеловъ Твоихъ: сохрани и укрѣпи ихъ въ страхъ Твоемъ величіемъ Твоимъ; просвѣти ихъ, чтобы они помышляли о томъ, что Твое, и даруй имъ, чтобы они вѣровали въ то, что Твое, и хотѣли того, что Твое; согласіе безъ грѣха и гнѣва даруй имъ черезъ единороднаго Сына Твоего, въ которомъ Тебъ съ Нимъ и съ Духомъ Святымъ да будетъ хвала и нынѣ“ и т. д. На эту молитву народъ говоритъ: Аминь; епископъ: Господь со всѣми вами, а діакопъ, какъ и у Іакова Эдесскаго, отпускаетъ народъ словами: Расходитесь съ миромъ (собр. древн. лит. III, 11 ст.).

Въ литургіи еванг. Марка священникъ или епископъ послѣ благодаренія за причащеніе, т. е. въ указываемомъ Іаковомъ Эдесскимъ порядкѣ молитвъ, обращается къ народу, говоря: „Царь величайшій и совластный Отцу, опустошившій адъ могуществомъ Твоимъ и поправшій смерть, и связавшій сильнаго, и возстановившій Адама изъ гроба богодѣйственною силою Твоею и просвѣтительнымъ сіяніемъ неизреченнаго Божества Твоего, *Самъ Владыка*, черезъ причащеніе пречистаго Твоего тѣла и драгоценной Твоей крови, *исполнили невидимую десницу Твою*, исполненную благослове-

ній, и всѣхъ насъ благослови, помилуй, укрѣпи божественною Твоею силою, и отгони отъ насъ порочное и грѣшное дѣйствіе плотскаго пожеланія, просвѣти мысленныя наши очи противъ окружающаго насъ мрачнаго беззаконія, соедини насъ съ преложеннымъ, угодившимъ Тебѣ сонмомъ, ибо черезъ Тебя и съ Тобою и т. д.“ (Собр. древн. литургій III, 145). Въ коптской литургіи Кирилла Александрійскаго мы имѣемъ ту же молитву, непосредственно слѣдующую за молитвою благодаренія и вполне аналогичную предшествовавшимъ. „Призри, Господи, на рабовъ сихъ Твоихъ, которые наклонили головы передъ святою Твоею славою; подай имъ оставленіе грѣховъ ихъ, благослови ихъ всякими духовными благословеніями и огради ихъ святою десницею Твоею. Утверди ихъ въ любви Твоей; ввѣдри страхъ Твой въ сердца ихъ; открой очи душъ ихъ, чтобы сіялъ надъ ними свѣтъ божества Твоего, снабди ихъ дарами Святаго Твоего Духа; облаки ихъ всеоружіемъ Твоимъ; избавь ихъ отъ злыхъ дѣлъ діавола и всѣ дѣла его скоро сокруши подъ ногами ихъ. Сподоби ихъ совершать святыя заповѣди Твои; ввѣдри въ нихъ желаніе вѣчныхъ Твоихъ благъ; веди ихъ отъ мира къ миру; укрѣпи ихъ воинствами святыхъ ангеловъ Твоихъ; благослови дѣла рукъ ихъ и управь жизнь ихъ; повели быть тому, что для нихъ благотворно и благопристойно и чтобы они хорошо устроили то, что имъ вѣрено, и мы вмѣстѣ съ ними содѣлались достойными благодати Твоей, и возсылали Тебѣ хвалы, которыя слѣдуютъ величеству Твоему и даруй намъ имѣть дерзновеніе передъ Тобою, предстоятельствомъ и пр. (Собр. древн. лит. III. 73 t.).

Рукоположеніе (*χειροθέσια*) народа совершалось по Постановленіямъ Апостольскимъ и въ общественномъ богослуженіи не—литургическомъ. Такъ въ богослуженіи вечернемъ: преклонитесь къ *рукоположенію* (*πρός χειροθέσιαν*). И епископъ пусть говоритъ: „Боже отцовъ и Господи милости, иже мудростію Своею устроивый челоуѣка, словесное животное, боголюбезное ихъ-же на земли и давый ему властвовать яже на земли, и поставивый мыслию Твоею начальники и іереи, тыя убо къ утвержденію живота, ихъ же къ служенію законену. Самъ и нынѣ преклонися, Господи вседержителю и яви лицо Свое на народъ Свой (*τοῦ λαοῦ σοῦ*) преклонившій вью сердца своего и благослови его Христомъ, имъ же

освѣтилъ еси насъ свѣтомъ разума и т. д. (III, 37). Точно также въ утреннемъ богослуженіи діаконъ пусть говоритъ: *преклонитесь къ рукоположенію*. И епископъ пусть молится и говоритъ: „Боже вѣрный и истинный, творяй милость въ тысячахъ и тьмахъ любящимъ Тя, Друзе смиренныхъ и нищихъ Предстоятелю, въ немъ же вся нужду имѣють, яко вся работна Тебѣ. Призри на люди Твоя сія (на сеѣ Твої народъ—*тоѿ ласоѿ соѿ тоѿтор*—и благослови я (его) благословеніемъ духовнымъ, сохрани я (его) яко зеницу ока, соблюди я (его) въ благочестіи и правдѣ, и сподоби я (его) жизни вѣчныя о Христѣ Исусѣ, возлюбленномъ отрокѣ Твоемъ съ Нимъ же и т. д. Аминь“. И діаконъ пусть говоритъ: придите въ мирѣ (VIII, 39).

Н. Аксаковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).
